

● К 100-летию со дня рождения
А. М. Горького

УРОКИ МАСТЕРА

Ц. Л. МАНСУРОВА,
народная артистка РСФСР

СПЕКТАКЛЬ «ЕГОР БУЛЫЧОВ И ДРУГИЕ» М. ГОРЬКОГО БЫЛ ПОСТАВЛЕН НА СЦЕНЕ ТЕАТРА ИМ. ВАХТАНГОВА Б. ЗАХАВОЙ В СЕНТЯБРЕ 1932 ГОДА. ЯСНОСТЬ РЕЖИССЕРСКОЙ МЫСЛИ, ГЛУБИНА И СВЕЖЕСТЬ ИСПОЛНЕНИЯ, ГЕНИАЛЬНОЕ МАСТЕРСТВО В. В. ШУКИНА, СОЗДАВШЕГО НЕЗАБЫВАЕМЫЙ ОБРАЗ ЧЕЛОВЕКА, ЖИВУЩЕГО «НЕ НА ТОЙ УЛИЦЕ», ВЕЛИКОЛЕПНО ПОДКРЕПЛЯЛИ СИЛУ И МАСШТАВНОСТЬ ГОРЬКОВСКОЙ ПЬЕСЫ. В ИСТОРИИ СОВЕТСКОГО ТЕАТРА ЭТОТ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ СПЕКТАКЛЬ ПО ПРАВУ ЗАНЯЛ ОДНО ИЗ ПЕРВЫХ МЕСТ. О ПОСТАНОВКЕ «ЕГОРА БУЛЫЧОВА» ВСПОМИНАЕТ ПЕРВАЯ ИСПОЛНИТЕЛЬНИЦА РОЛИ ШУРКИ Ц. Л. МАНСУРОВА.

ЛЕТОМ 1931 года к нам на спектакли несколько раз приезжал Алексей Максимович Горький. Он заходил в антрактах за кулисы, разговаривал с актерами. Мы прослышали, что есть у него новая пьеса и что эту пьесу он вроде бы собирается отдать в наш театр.

Очень хотелось убедиться — неужели действительно нам, еще совсем молодым вахтанговцам, а не прославленному Художественному театру достанется новое произведение самого Горького? Юности — море по колено! И «инициативная» группа решила: надо поехать к нему и самим все узнать. Алексей Максимович жил тогда на даче в Горках.

Не помню точно всех, кто собрался ехать. Были среди них В. Куза, А. Горюнов, К. Миронов. Алексей Максимович подтвердил свое намерение передать «Булычова» в театр имени Вахтангова. Это было счастье!

Осенью Горький читал пьесу всей труппе театра. Мы были приглашены к нему на квартиру, в особняк на Малой Никитской.

Сейчас, когда пишутся эти строки, у меня перед глазами возникает большая комната, длинный стол, накрытый к завтраку. Справа от Алексея Максимовича сидел его врач, слева — секретарь. Горький читал тихо, часто останавливался. Трудно в это поверить, но, выступая с пьесой после большого перерыва, великий писатель с трудом преодолевал смущение. Я никогда не забуду его взволнованности — подобная скромность может быть свойственна только поистине великому мастеру и человеку.

Дослушав до конца пьесу, приступили к завтраку. А потом вместе с Алексеем Максимовичем вышли в садик и сфотографировались!

О том, как понравилась пьеса, говорить не приходится. Мы были горды, но — нечего греха таить — и опасались немало: удастся ли нам полностью понять и воспроизвести на сцене все богатство горьковской мысли, всю сложность его образов?

О том, что мне достанется роль Шурки, я и не мечтала. У Шурки «дед плоты гонял», она земная, кряжистая. Мне же казалось, что я и права на Шурку не имею — очень уж она другая. Раскрыть этот образ мне помогли и Б. Захава, и Б. Шукин, и особенно сам Алексей Максимович.

Из всех окружающих Булычова людей по-настоящему он любит только двоих — Шурку и Глафиру. Почти все остальные ему чужды, ненавистны. Вот мне и нужно было прежде всего показать близость отца и дочери, добиться между ними сходства — не только внешнего, но и внутреннего.

Во время подготовки спектакля Алексей Максимович постоянно переписывался с режиссурой, все разъясняя, направляя нашу работу, и неоднократно бывал на репетициях. Ждали мы этих посещений с трепетом. И, конечно, получали от них неоценимую пользу.

Внешне моя Шурка довольно скоро стала похожа на отца. Шукин был, как и подобало Булычову, широк в кости, «увесист». Мое лицо резко менял удачно найденный грим, оно становилось шире, крупнее. Шуркины косы сделаны были из тех же волос, что и парик Егора, только без его седины. Это создавало во мне определенное настроение, и, хотя роль давалась нелегко, собиралась, как говорится, по крупицам, постепенно Шурка обретала гордый отцовский нрав, душевную и

родственную близость с Булычовым. Порой Горький соглашался с тем, что мне уже удалось найти. Тогда я чувствовала себя победительницей.

Помню, например, как я волновалась по поводу одной мизансцены — а вдруг Алексей Максимович не согласится? Эта сцена родилась во время репетиции, и мы со Шукиным на собственный страх и риск решились показать ее Горькому.

Булычов плохо себя чувствует, лежит. А Шурка, разговаривая с отцом, пристранивается, облакачиваясь на него. Она не ласкается к нему — просто этот сильный и грозный для других человек ей ничуть не страшен. Нам эта поза казалась чересчур смелой. Но Алексей Максимович внимательно просмотрел весь эпизод и сказал: «Хорошо придумали. Она ведь отца и впрямь совсем не боится».

Действие «Егора Булычова» происходит в Костроме. Помня об этом и стараясь передать своеобразие местной речи, все участники спектакля усердно начали «окачать». Однажды А. М. Горький сказал мне с доброй усмешкой: «Слишком уж вы окачете. Ведь Шурка в гимназии училась...». Не знаю, откуда во мне появилась храбрость, но я нашлась и сразу ответила: «Ну и что же? Вы, Алексей Максимович, еще больше учились, а ведь окачете до сих пор». Горький засмеялся, а я постаралась все же смягчить свой говор.

Впрочем, такая особенность в речи горьковских героев необходима: она ведь объясняется не только их происхождением. Ею еще больше подчеркивается своеобразный звуковой ритм, присущий всему тексту пьесы. Не случайно Шукин назвал когда-то язык Булычова стихами. «Фраза законченна, кругла, — писал он. — Ее не хочется, нельзя... мельчить. Она — как пословица». Работая над ролью, я хорошо почувствовала эту афористичность горьковской речи.

Как из песни слова не выкинуть, так и в его тексте любая, самая незначительная замена — в интонациях ли, предлоге ли — сразу искажает смысл. Появляется иной подтекст — настолько многозначно каждое горьковское слово. Как-то в работе я «споткнулась» именно на этом. Шурка благоволил к Тятину. «Так я совсем не нравлюсь вам, Тятин?» — спрашивала я у партнера. И чувствовала: нет, что-то мешает мне передать горечь этой фразы, что-то тормозит меня. «Так я» — превращалось в две согласные — «тк». Заглянула в пьесу и сразу обнаружила ошибку в перепечатанном тексте роли: у Горького сказано: «Может быть, я совсем...» и т. д.

На спектаклях — а Горький смотрел нашего «Булычова» несколько раз — Алексей Максимович иногда плакал. Товарищи подглядывали в щелочку из-за кулис и сообщали: «Плачет, плачет. Значит — доволен».

После премьеры «Егора Булычова» в фойе был устроен скромный товарищеский ужин. На этот раз по обе стороны от Горького сидели Б. В. Шукин и я. Алексей Максимович улыбаясь пил фруктовую воду. И вдруг, подняв рюмку, Горький обернулся — сначала к Борису Васильевичу Шукину, потом ко мне — и сказал: «Его роль я написал хорошо, а играет он — отлично, вашу роль я написал плохо, а играет вы — хорошо».

Надо ли говорить, какую радость доставила мне эта похвала?